

С Т А Т Ь И

КАФЕДРА ВОСТОКОВЕДА

DOI: 10.31857/S086919080003956-8

СОВРЕМЕННАЯ ДИСКУССИЯ О ПОЛИТОГЕНЕЗЕ
У КОЧЕВНИКОВ-СКОТОВОДОВ

© 2019

Н. Н. КРАДИН

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока
ДВО РАН, Владивосток, Россия
ORCIDID: <https://orcid.org/0000-0003-1024-6285>; kradin@mail.ru

Резюме: Социальная динамика в обществах кочевников-скотоводов является дискуссионным вопросом в гуманитарных науках. В общих очерках по глобальной истории и социокультурной эволюции кочевники затрагиваются лишь косвенно. Марксистские исследователи уделили в XX в. этой проблеме больше внимания. Дискуссия прошла через несколько этапов. Затянувшиеся споры о сущности кочевых обществ не привели к созданию общепринятой теории (преджизненное общество, раннее государство, различные трактовки феодализма, кочевник-скотоводство) продолжают существовать и поныне. В начале XXI в. обсуждались и другие теории – суперсложное вождество (Крадин), кочевая цивилизация (Масанов), «безголовое государство» (Снит). Предметом обсуждения стал вопрос о том, что является основой специфики крупных политий кочевников – внутренняя природа скотоводства (Ди Космо, Ханичерч и др.) или особенности адаптации кочевников к внешнему оседлому миру (Хазанов, Голден, Барфилд и др.). После ожесточенных дебатов были открыты три новые перспективы: во-первых, исследователи сошлись на том, что различия между оседлыми и кочевыми обществами очень условны; во-вторых, модель синхронности подъема и упадка кочевых империй и аграрных государств неприменима к тюркам и монголам; в-третьих, описания кочевников в источниках оседлых народов очень тенденциозны. На самом деле все было гораздо сложнее. Кочевники внесли свой вклад в активизацию контактов и обменов между различными цивилизациями, а также выступали в качестве активного субъекта внешней политики и глобальных исторических изменений.

Ключевые слова: политогенез, кочевники-скотоводы, вождество, кочевые общества.

Для цитирования: Крадин Н.Н. Современная дискуссия о политогенезе у кочевников-скотоводов. *Восток (Oriens)*. 2019. № 1. С. 6–23. DOI: 10.31857/S086919080003956-8

Благодарность: Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ № 17-06-00464.

CONTEMPORARY DISCUSSION ON POLITOGENESIS
AMONG THE PASTORAL NOMADS

Nikolay N. KRADIN

Institute of History, Archaeology and Ethnology, FEB RAS, Vladivostok, Russia
ORCID ID: 0000-0003-1024-6285, kradin@mail.ru

Abstract: Social dynamics among pastoral nomads are controversial in social sciences and humanities. General essays on global history and cultural evolution usually miss nomad cases. The Marxist scholars paid more attention to this problem in the 20 century. The discussion passed several stages but did not

result in the construction of the generally accepted theory; to date nomad societies are considered pre-class, early state, different types of feudalism or nomadic mode of production. In the beginning of the 21 century other concepts were also discussed including those of super-complex chiefdom (proposed by Kradin), nomadic civilization (by Masanov), “headless state” (by Sneath). Focus of the discussion was on what was the base of large nomadic polities specificity, in other words on the internal nature of pastoralism (Di Cosmo, Honeychurch etc.) or peculiarities of adaptation of nomads to the outside agricultural world (Khazanov, Golden, Barfield etc.). After violent debates three new perspectives were discovered. First, differences between the agrarian and nomadic cultures seem to have been very fluid. Second, synchronism of the development and the decline of nomadic empires and agrarian states do not relate to the Turk and the Mongols. Third, description of nomads in the sources composed by settled population appear to have been quite distorted. In reality, nomads much contributed to the development of contacts and exchange between different civilizations. They were active subject of international relations and global human changes.

Keywords: politogenesis, state origins, pastoral nomads, chiefdom, nomadic empire.

For citation: Kradin N. N. Contemporary discussion on politogenesis among the pastoral nomads. *Vostok (Oriens)*. 2019. No. 1. Pp. 6–23. DOI: 10.31857/S086919080003956-8

Acknowledgements: This study was supported by grant RFBR No. 17-06-00464

«Кочевники-скотоводы всегда притягивали внимание антропологов», – примерно так начинается один из популярных обзоров этнографии номадизма [Dyson-Hadson 1980, p. 15], и с этим трудно не согласиться. Еще классики изучения «другого» – отцы-основатели исторической науки Геродот и Сыма Цянь – подробно смаковали специфику чуждого им мира степняков. Он одновременно и притягивал, и пугал их, как и более поздних исследователей этой загадочной части Мира. Мемом степной цивилизации стал кентавр – загадочное существо, получеловек-полулошадь.

Одно из ключевых мест в изучении номадизма занимает вопрос о причинах возникновения наиболее крупных политий номадов – кочевых империй, а также особенности их социально-политической структуры. По сути дела, речь идет об особенностях политогенеза в обществах кочевников-скотоводов. Обсуждение этих проблем имеет давнюю историю. Фактически еще в XIX в. возникли вопросы: могли ли создать номады государственность и существовали ли какие-либо отличия в социально-политической организации между кочевыми и оседлыми обществами? Философы (от Ф. Вольтера до Г. Гегеля) отказывали номадам в способности создавать государственность, а вот среди историков и этнологов мнения разделились: одни из них полагали, что кочевники сохраняли родоплеменную организацию, другие выступали за признание в кочевых обществах имущественного неравенства и государственной власти. В XIX в. появилась так называемая завоевательная теория возникновения государства, в которой кочевым народам было отведено одно из ключевых мест.

В XX столетии наиболее активно данная тематика обсуждалась в рамках советской марксистской науки в ходе так называемой дискуссии о кочевом феодализме. Историографии этой дискуссии посвящено большое количество исследований. Более подробно она рассмотрена в целой серии специальных работ [Коган, 1981; Халиль Исмаил, 1983; Попов, 1986; Gellner, 1988; Марков, 1989; 1998; Крадин, 1992; Масанов, 1995; Васютин, Дашковский, 2009 и др.]. В рамках дискуссии можно выделить три больших этапа: 1) **первый** (1920-е – начало 1930-х гг.) – годы относительной свободы выбора различных подходов от отрицания классовой природы обществ кочевников до признания «племенного государства» и наличия у номадов классов; 2) **второй** (1934–середина 1960-х гг.) – время господства теории «кочевого феодализма» от момента ее создания до дискуссии о «патриархально-феодальных отношениях»; 3) **третий** (середина 1960-х –

начало 1990-х гг.) – с момента возрождения дискуссии об «азиатском» способе производства до конца советской эпохи. Этот период характеризуется выработкой новых подходов, аргументированной критикой теории феодализма у кочевников [Крадин, 1992; Крадин, 2007].

В данной статье будет рассмотрено современное состояние дискуссии касательно природы кочевых обществ и происхождения у них комплексных обществ и империй, дана оценка влиятельным современным течениям. Сначала будут показаны дискуссии в отечественной науке, затем мы обратимся к наиболее интересным работам в зарубежном кочевниковедении. При этом будут даваться ссылки только на ограниченное число работ цитируемых в статье авторов. В настоящее время публикационная активность чрезвычайно высока, и каждый исследователь имеет, как минимум, несколько публикаций по каждому вопросу. С большей частью данных работ я знаком, однако для экономии места буду цитировать только самые значимые или наиболее показательные из них.

ОТ МАРКСИЗМА К ЭМПИРИЗМУ

К концу советской эпохи можно говорить о существовании в отечественном кочевниковедении четырех основных точек зрения на характер социального строя кочевников (подробнее см. [Крадин, 1992; 2007; Васютин, Дашковской, 2009]):

1) **предклассовое** общество у кочевников (С. И. Вайнштейн, Л. С. Васильев, К. П. Калиновская, В. А. Шнирельман и др.). При этом часть исследователей считали, что кочевники могут достигнуть государственности с установлением внешнеэксплуататорских отношений (В. М. Викторин, Э. С. Годинер, Г. С. Киселев, Л. Е. Куббель, В. Ю. Мурзин, Ю. В. Павленко и др.);

2) **раннее государство** у кочевников (Е. П. Бунятян, С. Г. Кляшторный, Е. И. Кычанов; А. И. Мартынов, М. С. Мейер, А. И. Першиц, авторы «Эволюции восточных обществ» (1984) и др.);

3) **феодализм** у кочевников: а) ортодоксальный вариант теории «кочевого феодализма» (И. Я. Златкин, М. Х. Маннай-Оол, Л. П. Потапов и др.); б) «саунная» версия «кочевого феодализма» (А. В. Даньшин, К. И. Петров, Ф. Я. Полянский и др.); в) власть над кочевниками как основа феодализма (Н. Ц. Мункуев, А. В. Попов, В. С. Таскин, Г. А. Федоров-Давыдов и др.); г) становление феодализма в ходе седентеризации «от кочевий к городам» (С. А. Плетнёва). Высказывались также мнения о феодальной сущности кочевничества без указаний на характер его внутренней природы (Л. Л. Викторова, Д. Е. Еремеев, Д. И. Кшибеков и др.);

4) особый **номадный** (Г. Е. Марков, Н. Э. Масанов) или **экзополитарный** (Н. Н. Крадин) способ производства у кочевников.

К сожалению, в постсоветский период теоретические исследования в кочевниковедении стали непопулярными. В более широком контексте можно констатировать, что историческую науку, археологию и антропологию захлестнула волна эмпиризма. Ежегодно выходит огромное количество работ с введением в научный оборот фактического материала. Иногда появляются интересные обобщения, которые можно отнести к теориям «среднего уровня». Однако концептуальных, обобщающих работ отечественных исследователей чрезвычайно мало. Возможно, одна из главных причин в разочаровании ученых в марксизме, в нежелании создавать себе новых кумиров. Не исключено, что данный факт может быть объясним общим кризисным состоянием научной сферы, бесконечным реформированием структуры исследовательского труда, скудным финансированием и жесткой конкуренцией за дополнительные ресурсы.

Так или иначе, в первое «постмарксистское» десятилетие дискуссия велась достаточно вяло, и лидерство постепенно перешло к исследователям зарубежных стран. Сменил-

ся и фокус дискуссии. Наиболее актуальным стал вопрос, какому уровню сложности соответствовали кочевые империи. Одни авторы поддерживают мнение о **предгосударственном** характере обществ номадов [Крадин, 1992; Крадин, 2002; Скрынникова, 1997; Крадин, Скрынникова, 2006 и др.]. Другие пишут о складывании у кочевников **ранней государственности** [Трепавлов, 1993; Кляшторный, Савинов, 1994; Кычанов, 1997; Кычанов, 2010; Кляшторный, Султанов, 2000; Кляшторный, 2012; Тишин, 2015 и др.]. Определенную полемику вызвал вопрос: что является базисом специфичности номадизма – внутренняя природа скотоводства, являющаяся основой так называемого **номадного** способа производства [Масанов, 1995; Калиновская, 1996; Марков, 1998] или же особенности внешней адаптации **ксенократических** «кочевых империй» к земледельческим цивилизациям [Крадин, 1992; Крадин, 2002 и др.]. При этом в отечественную науку стали активно внедряться новые методологические подходы – теория «вождества» и «раннего государства», цивилизационный подход, мир-системный анализ др. Их использование в кочевниковедении уже дало определенные результаты [Koryakova, 1996; Крадин, Бондаренко, 2002; Базаров, Крадин, Скрынникова, 2004–2008; Koryakova, Epimakhov, 2007; Васютин, Дашковский, 2009; Васютин, 2010; 2011a; 2017; Вдовченков, 2016; 2018; Петров, 2016 и др.]. В обсуждение таких дефиниций, как «кочевая империя» [Крадин, 2001; Васютин, 2010; Пиков, 2010; Rogers, 2012] и «суперсложное вождество» [Maekawa, 2006; Scheidel, 2010; 2011; DiCosmo, 2011; Шираиси, 2015; Kim, 2017], подключились зарубежные исследователи.

В то же время в условиях преодоления формационного монизма после 1991 г. появились публикации, в которых делалась попытка рассмотреть кочевничество с точки зрения **цивилизационного** подхода [Буровский, 1995; Enkhtuvshin, 2003; Пиков, 2009]. Моя критическая аргументация на этот счет осталась неизменной: термин «цивилизация» очень многозначен, и, чтобы избежать путаницы, целесообразно было бы оставить его для описания локальных цивилизаций (культур, «суперэтносов» и др.). При этом неразрешимым остается вопрос о выделении так называемого генетического кода цивилизации номадов. Номадизм – это нечто иное. Кочевники и скотоводы никогда не осознавали себя как единую общность, противостоящую другим. Гиксос и хунн, средневековый араб и монгол, нуэр из Судана и оленевод Арктики не только относились к разным народам, но и входили в разные культурные пространства. При этом одни номадические общества могли составлять «ядро» существующей цивилизации (например, арабы), другие – входить в состав варварской периферии какой-то цивилизации (гиксосы до завоевания Египта); третьи – оказывать практически вне цивилизационных процессов вплоть до начала периода колониализма (нуэры, чукчи) [Kradin, 2018].

По этой причине более перспективным представляется рассмотрение в рамках цивилизационного подхода отдельных и крупных этнокультурных общностей номадов, локализованных в определенных географических зонах. С данной точки зрения Аравийский полуостров, например, был подобным ареалом. Здесь зародилась арабская цивилизация. Можно говорить о Внутренней Азии как о единой цивилизации [Пэрлээ, 1978]. Для последней были выделены такие признаки, как деление на крылья, десятичная система, представления о власти, обряды интронизации, любовь к скачкам и верблужьим бегам, особое мировоззрение и пр. В этом же русле следует рассматривать вопрос о и монгольской цивилизации [Железняков, 2016 и др.]. Особо дискутируемый вопрос в последнее время – насколько правомерно выделять особую золотоордынскую цивилизацию [Кульпин, 2004; Кульпин, 2008; Крамаровский, 2005; Миргалиев, 2014 и др.]. Термин уже настолько прочно вошел в научный дискурс, что появилось даже периодическое издание с одноименным названием. Так или иначе, важно вовремя остановиться: выделение все новых и новых цивилизаций кочевых народов не должно быть бесконечным. С одной стороны, количество цивилизаций не может быть равным числу этнических общностей.

Здесь важно не перейти грань разумного. С другой стороны, каждой выделяемой цивилизации должен соответствовать набор особых, отличительных черт – так называемый генетический код цивилизации.

ФРАНЦУЗСКИЙ СТРУКТУРНЫЙ МАРКСИЗМ

Еще в последней трети XX в. французские марксистские антропологи отстаивали особую точку зрения на формационную природу кочевых обществ. Находясь на позициях структурного марксизма, они развивали концепцию о специфической кочевой формации, основой которой является внутренняя стратификация, базирующаяся на частной собственности на скот. Подчеркивались эгалитарный и сегментарный характер кочевников, нерасчлененность базиса и надстройки в пастушеских обществах, что выражалось в переплетении экономических, родственных, религиозных и иных отношений. Под кочевым способом производства они понимали комплексное единство экологических, экономических и социокультурных составляющих. При этом важное место в концепции занимала Марксова модель «германского способа производства» [Bradburd, 1984; Дигар, 1989; Bonte, 1981; 1990].

Особое место среди французских кочевниковедов занимают теоретические штудии Ж. Леграна [Legrand, 2011]. Его генеральная идея – структуралистская интерпретация кочевых обществ в рамках дихотомии «седентаризм» – «номадизм». Если для оседлых обществ характерно стремление к «накоплению» в широком смысле слова и стабильному существованию, то для кочевников ограниченная ресурсная база, нестабильность, циклические флуктуации являются ключевыми факторами их существования. «Сердцевинной» этой системы выступают дисперсный способ существования кочевников и их постоянные сезонные перемещения со скотом. Такие характеристики выглядят непривычными для оседлых жителей, они отталкивают и пугают их. Именно это служит причиной негативного, отрицательного восприятия кочевников.

Обе системы связаны между собой. Ж. Легран рассматривает подобные отношения в терминах симметрии / асимметрии. Для оседлых обмен с другими обществами имеет, прежде всего, рыночный характер и подчинен той же цели «накопления». Кочевникам более важен внеэкономический обмен, а также получение тех продуктов, которые невозможно было произвести при кочевом образе жизни.

В терминах оседлого общества трудно проследить логику кочевого мира. Следовательно, возникают разные представления о границе. Для земледельцев и горожан – это барьер, отделяющий их от «чужих», потенциальных врагов. Для кочевников граница – это зона взаимодействия с окружающим миром. Так, контакты и обмены с соседними оседлыми народами переходят в сферу политики. Торговля соседствует с грабежом и войной, которые могут стать регулярной деятельностью (своего рода «односторонним обменом»), хотя чаще являются методом принуждения с целью открытия или возобновления обменов.

РОЛЬ ВНУТРЕННИХ И ВНЕШНИХ ФАКТОРОВ

В зарубежном западном кочевниковедении наибольшее внимание вызвала дискуссия по поводу соотношения внутренних и внешних факторов развития обществ кочевников. Сторонники первой точки зрения (теория «автономности») полагают, что кочевники могли самостоятельно прийти к государству, а их противники (теория «внешней зависимости») отстаивают мнение, что кочевники не нуждались в государственности, а возникновение империй кочевников было опосредовано характером отношений с соседними оседло-городскими обществами. Особенно много для аргументации теории «автономности» в наши дни сделал Н. Ди Космо. По его мнению, концепция происхождения степных им-

перий, исходя из ограниченности пасторальной экономики, изначально ошибочна, поскольку кочевники в той или иной степени были знакомы с земледелием [Di Cosmo 1999, p. 12, note 38]. В то же самое время появление кочевых держав было бы неверно рассматривать как «эволюционный» процесс. Это скорее процесс постепенного кумулятивного накопления политического опыта [ibid., p. 38]. Отправной точкой является структурный кризис внутри племенного общества. Кризис приводил к милитаризации степного общества, созданию постоянных воинских подразделений и специальных дружин, усилению власти военных вождей. С появлением харизматического лидера складывались предпосылки для генезиса государственности. Централизация власти вела к территориальной экспансии и росту доходов, появлению правительственного аппарата [Di Cosmo 1999, p. 15–26; 2002, p. 167–186].

В русле этой же парадигмы написаны работы Б. Ханичерча. Он полагает, что кочевники могли создавать организационно сложные политии на основе внутренней интеграции. Их внутренняя структура была такая же, как и у оседло-земледельческих государств. Государства и империи кочевников имели сложную экономическую систему, специализированные ремесла и урбанизацию. В этом смысле как для степняков, так и для оседлых жителей были характерны схожие принципы жизнедеятельности. В течение ряда лет автор проводил археологические исследования на территории Монголии и пришел к выводу, что система жизнеобеспечения древних кочевников не зависела от внешних ресурсов [Honeychurch 2013; Honeychurch, 2014; Honeychurch, 2015].

Теория «зависимости» восходит к знаменитой книге О. Латтимора о культурной экологии и адаптации кочевников около китайской границы [Lattimore, 1940]. Латтимор показал зависимость кочевников от природной среды и соседних оседло-земледельческих обществ. По его мнению, это детерминировало социальную организацию и обусловило преобладание в степном мире циклических тенденций над эволюционными.

Данные идеи получили развитие в работах других исследователей. А. М. Хазанов показал, что внутренняя экологическая и экономическая адаптация кочевников была далеко не полной, ее дополняла адаптация кочевничества к «Внешнему Миру», которая могла реализовываться в различных стратегиях – от обычной меновой торговли до взимания с земледельцев дани или завоевания оседлых обществ [Khazanov, 1984]. Эти выводы пересекаются с результатами исследований С. Джагчида, согласно которому кочевникам трудно было существовать без продукции оседлого общества. Поскольку экономика земледельцев была более стабильна, они не имели особого стимула торговать с кочевниками. Поэтому главные причины войн с земледельцами имели экономические основания. При этом кочевники стремились вести войны без поглощения чужой территории [Jagchid, Symons, 1989; Jagchid, 1991].

По мнению П. Голдена, нет ни одного государства кочевников, которое бы возникло вследствие действия внутренних факторов [Голден, 2004, с. 111–112]. Мобильность кочевников давала им большое военное преимущество, но в то же время являлась потенциальным фактором сепаратизма. Главную роль в создании государства должен был сыграть внешний катализатор, обусловленный необходимостью доступа к продукции аграрно-городского общества. При этом для кочевников Западной Евразии не было характерно формирование государственности, за исключением тех случаев, когда они завоевывали земледельческое общество и переселялись на его территорию. В Восточной Евразии их империи больше соответствовали уровню раннего государства, однако с сильной ролью институтов родства, сохранением племенных институтов, всеобщей вооруженностью народа, мобильностью населения и ресурсов [Golden, 1992; Golden, 2001; Golden, 2011].

В ряде работ конца XX в. было высказано мнение о принципиальной значимости идеологии в формировании кочевых империй. Кюрзат-Алерс отмечает, что при неста-

бильной скотоводческой экономике накопление прибавочного продукта было ограничено. По этой причине формирование политических институтов должно было основываться на иных принципах. В случае степных обществ наиболее важным была, по ее мнению, монополия со стороны вождей на ритуальную сферу, формирование культов войны, поклонения Небу, предкам [Kürsat-Ahlers, 1994].

По мнению И. Тоган, поскольку из-за угрозы *джута* богатство скотоводов в виде скота было эфемерным, имущественное неравенство не могло иметь существенного значения. В основе общественной структуры лежала идеология – концепция Неба (*Tenggri*) и священной харизмы (*qut*). Важное значение для консолидации племен имела редистрибуция. Социальные и политические институты кочевников были гибкими. В основании общества была пирамидальная сегментарная система линиджей. Время от времени одни кланы занимали лидирующие позиции, потом их сменяли другие. Периодически эгалитарная общественная структура сменялась централизованной имперской иерархией. Обычно через некоторое время срабатывали центробежные силы и наступала трайбализация, ведущая к автономии частей империи. За ней шла детрайбализация с усилением военных институтов и формированием универсальных идеологических концепций. Далее включались механизмы ретрайбализации и цикл начинался снова [Togan, 1998].

ПРОБЛЕМЫ ПЕРИОДИЗАЦИИ

Нужно напомнить, что в советской науке сложилось деление на так называемых ранних и поздних кочевников. Истоки данной периодизации уходят в формационную схему – в деление на древний и средневековый периоды. При этом так называемые ранние кочевники (до середины 1-го тыс. н.э.) обычно рассматривались как догосударственные, раннеклассовые или раннефеодальные общества. Сложение зрелой государственности в феодальной форме произошло в период существования «поздних» кочевников – в эпоху средневековья. В зарубежной литературе этот вопрос рассматривался несколько по-иному. Принципиально важной была периодизация японского историка Дз. Тамуры, который выделил два больших цикла в истории Северной Евразии: (1) цикл древних империй кочевников засушливой зоны Внутренней Азии (II в. до н.э. – IX в. н.э.): хунну, сяньби, жуэнь, тюрки, уйгуры; (2) цикл средневековых завоевательных династий, происходивших из таежной (чжурчжэнь, маньчжуры) или степной (кидани, монголы) зон (X – начало XX в.): Ляо, Цзинь, Юань, Цин. Общества первого цикла взаимодействовали с Китаем на расстоянии, государства второго – завоевывали земледельческий Юг и создавали симбиотические государственные структуры [Tamura, 1956].

Из современных периодизаций следует отметить схему японского археолога Н. Шираиси, который рассматривает эволюцию кочевых империй в рамках спиральной эволюции от состояния раздробленности к фазе централизации и постепенной децентрализации. При этом каждый виток от хунну до монголов характеризуется все большим расширением дуги власти, максимально расширяясь в XIII в. [Шираиси, 2008]. Очень популярна точка зрения Н. Ди Космо. На основании способа получения доходов от внешнего мира он выделил четыре этапа в истории региона: 1) период даннических империй – от хунну до жуэнь (209 г. до н.э. – 551 г. н.э.); 2) период торгово-даннических империй тюрков, хазар и уйгуров (551-907), когда кочевники научились получать доходы от внешнего обмена; 3) период дуально-административных империй (907-1259), когда кочевники научились завоевывать земледельческие цивилизации (кидани, чжурчжэнь, монголы до Хубилая); 4) период зрелых империй (1260-1796), которые наряду с прочими способами эксплуатации использовали методы прямого налогообложения (монголы и их западноазиатские наследники, маньчжуры) [Di Cosmo, 1999].

Возможно, самая изящная модель была предложена Т. Барфилдом. Он фиксирует синхронность процессов роста и упадка кочевых империй и аналогичных процессов в Китае. Империя Хань и держава Хунну появились в течение одного десятилетия. Тюркский каганат возник как раз в то время, когда Китай был объединен под властью династий Суй, а затем Тан. Когда в Китае начинались смуты и экономический кризис, система дистанционной эксплуатации кочевников переставала работать и имперская конфедерация разваливалась на отдельные племена до тех пор, пока не восстанавливались мир и порядок на юге. Такая циклическая структура политических связей между народами Китая, Центральной Азии и Дальнего Востока, по мнению Т. Барфилда, повторялась трижды в течение двух тысяч лет: от хунну до жужаней, от тюрков до гибели Юань и от Мин до Синьхайской революции, которая прервала эту круговую эволюцию [Barfield, 1992]. Барфилд называет империи кочевников **теневыми**, поскольку они как бы находились в тени земледельческих цивилизаций (данный термин неудачен и в том отношении, что подчеркивает и **теневой** характер экономики степных империй). Он выделяет несколько вариантов теневых империй: 1) зеркальные – которые появились как «ответ» на давление со стороны оседло-земледельческих империй (хунну, тюрки и т.д.); 2) морские торговые империи (Финикия, Крит); 3) империи-хищники, создаваемые периферийными группами после гибели центрального общества (Нубия, народы маньчжурской «границы» – Ляо, Цзинь, Цин). В классификации имеется еще одна модель – ностальгические империи, возникавшие на обломках крупных империй прошлого (государства в Китае IV–VI, X–XII вв., Каролинги в Европе), однако имперская природа и вторичный (теневой) характер ряда взятых в качестве примера обществ вызывает сомнение [Barfield, 2001].

Концепция вызвала немало нареканий со стороны историков-востоковедов. Ряд исследователей писали, что Барфилд преувеличивает роль внешних факторов. На самом деле более важными для создания империи были внутренние причины [Di Cosmo, 1999; Di Cosmo, 2002; Scheidel, 2011]. Его обвиняли в некорректности выборки («модель с тремя примерами и двумя исключениями» [Wright 1995, p. 307]), отсутствии жесткой корреляции между ритмами подъема и упадка Китая и кочевых империй. В частности, история формирования Первого и Второго тюркских каганатов не вписывается в синхронную модель циклов между кочевыми империями и Китаем [Drompp, 2005, p. 109]; ср.: [Васютин 2011б].

Идеи Барфилда развивает изящная модель «петли обратной связи», предложенная П. В. Турчиным [Turchin, 2009]. Ее суть заключается в том, что кочевники и земледельцы оказывали воздействие друг на друга в течение длительного времени. Набеги кочевников предполагали централизацию земледельцев, что, в свою очередь, требовало объединения степняков в более крупные формирования. «Начальная “анизотропия” (т. е. неодинаковость свойств среды. – Н.К.) в военной мощи на земледельческо-степном фронтире, таким образом, устанавливает автокаталитический процесс, заканчивающийся безудержным ростом размеров политий по обе стороны границы» [Turchin, 2009, p. 197]. Модель послужила поводом для нового витка полемики [Di Cosmo, 2011, p. 43; Scheidel, 2011, p. 117–119].

Путь от формирования номадизма до создания кочевых империй растянулся более чем на тысячу лет. По мнению Л. Н. Коряковой [Koryakova, 1996; Koryakova, 1992], можно выделить несколько волн формирования сложных обществ в Евразии в бронзовом и раннем железном веке. Первая волна (до 1600 г. до н.э.) – эпоха колесниц, время теократических вожеств и племенных конфедераций (Синташа, Петровка). Вторая волна (1600–500 гг. до н.э.) – эпоха пасторальных обществ, время простых вожеств (Андронов, Федорово). Третья волна (с 500 г. до н.э.) – образование кочевничества, это время сложных вожеств и номадных империй (Аржан, хунну).

Т. Барфилд выделил четыре уровня сложности кочевников-скотоводов, которые не противоречат вышеизложенной периодизации: 1) акефальные общества, представленные, например, скотоводами Африки; 2) племенные сообщества численностью в десятки тысяч человек, возглавляемые неформальными лидерами; 3) надплеменные конфедерации численностью в сто и более тысяч человек; 4) централизованные имперские конфедерации численностью до миллиона человек [Barfield, 1993; Barfield, 2003]. Он, правда, против использования термина «эволюция», потому что не прослеживается линейного развития кочевников, а есть только периодические скачки от достаточно простых политических систем до гигантских империй.

Однако Барфилд согласен с тем, что есть определенные пределы увеличения сложности степных социумов [Barfield, 2003]. Вместе с тем он в своих работах фактически пишет о двух моделях кочевых обществ. Первая известна для кочевников Евразии, где большое значение при формировании надплеменной иерархии имела генеалогия родства. По этой причине религиозный фактор не играл высокой роли. Вторая модель была характерна для скотоводов Северной Африки и Ближнего Востока. Здесь существовала эгалитарная социальная организация, в складывании надплеменного единства важное значение имел ислам [Barfield, 1995].

Кросс-культурный анализ 15 скотоводческих и кочевых обществ подтверждает подобные выводы. Действительно, можно выделить примерно три-четыре уровня культурной (и политической) сложности кочевых обществ. Самые простые – сегментарные акефальные общества, не имеющие органов управления. Следующая ступень – так называемые вторичные племена, конфедерации племен, простые вожества. Еще более развитую структуру имеют сложные и суперсложные общества. Последние представлены в наиболее масштабном виде кочевыми империями, а также квазиимперскими политиями несколько меньшего размера (подобно татарским ханствам после крушения Золотой Орды), независимыми и полунезависимыми ханствами нового времени (жузы казахов, ханство калмыков и др.) [Крадин, 2004].

ПОСТМОДЕРНИЗМ

В эпоху постмодернизма, с легкой руки Ж. Делеза и Ф. Гваттари, термин «номадология» стал своеобразным манифестом, философией протеста против тотальной власти государства модерна [Deleuze, Guattari, 2010]. Постепенно идеи получили достаточно широкое распространение в гуманитарном дискурсе (см., например: [Ушакин, 2012]). Одновременно в западной археологии и антропологии стали появляться работы, которые с постмодернистских позиций отвергали устоявшиеся теории исторического процесса и социокультурной эволюции. Особенно много нападок было сделано против концепции «вожества» [Yoffee, 2005; Pauketat, 2007; Routledge, 2014].

Постмодернизм проник и в кочевниковедение (номадологию). Образцом постмодернистского дискурса стала книга кембриджского антрополога Д. Снита «Безголовое государство». Еще в конце 1990-х гг. он был далек от данной тематики и без всяких колебаний считал возможным использовать применительно к кочевникам термин «феодализм», заимствовав его у ведущих монгольских историков [Humphrey, Sneath, 1999, p. 219]. Однако на кембриджском симпозиуме 2004 г., посвященном изучению институтов власти во Внутренней Азии, он анонсировал свой новый подход и чуть позже опубликовал монографию и серию других работ на эту тему [Sneath, 2007; Sneath, 2009; Sneath, 2013 и др.].

Книга пронизана духом антиэволюционизма. Автор активно выступает против «колониальной» теории «эгалитарных кочевников», которая, по его мнению, была создана, чтобы показать отсталость степных обществ. Именно поэтому колониальные антропологи пользовались для описания политической системы кочевников терминами *род* и *племя*

(более поздние еще придумали термин *вождество*). При чтении книги создается ощущение глобального заговора антропологов развитых стран против бедных «племен». Снит признает наличие у монгольских кочевников стратификации, пытается сконструировать концепцию «аристократического общества» у кочевников, для которой он придумал собственную дефиницию – «безголовое государство» (возможно, функционалистский ремейк «акефального общества» Э. Эванса-Причарда).

Монография вызвала восторженные отзывы в постмодернистской литературе и вместе с тем весьма критически была воспринята ведущими кочевниковедами¹. Ключевая претензия – даже не в неудачном термине (можно только поиронизировать, примеряя дефиницию «безголового» государства, например – к империи Чингисхана), а в антиисторизме, систематическом искажении фактов и чужих концепций, огульном приписывании более ранним исследователям ошибок, которых они не совершали.

Приведу только один пример. Снит приписывает создание дефиниции «племня» классика эволюционизма Л. Моргану. Между тем данный термин был известен в английском языке задолго до Моргану и восходит к латинскому слову *tribus*. Истоки русского варианта *племня* в древнем славянском языке. Похожие слова есть в чешском, польском, хорватском и других славянских языках. А. Левшин, книгу которого Снит цитирует и критикует, опубликовал свой труд о номадах Средней Азии в 1832 г., за несколько десятилетий до появления «Древнего общества» Моргану (1877), где были сформулированы основные принципы эволюционизма. Иными словами, А. Левшин использовал понятие «племня» не только еще до появления эволюционизма, но и до складывания социальной антропологии как науки.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя определенные итоги дискуссии о соотношении внешних и внутренних факторов, Н. Ди Космо отметил, что в современном кочевниковедении наличествуют три устойчивых заблуждения [Di Cosmo, 2015]. Первое касается жесткого противопоставления мира кочевников и мира оседлых. С его точки зрения, номады были знакомы с земледелием с глубокой древности. С этим трудно спорить, поскольку кочевники в той или иной степени практиковали зачаточные формы земледелия, чему есть немалое подтверждение археологических и этнографических данных. Ключевой вопрос: в каких масштабах земледелие было распространено в степных обществах? Были ли эти масштабы сопоставимы с экономикой оседло-земледельческих государств?

Второе заблуждение, согласно Ди Космо, касается концепции Т. Барфилда о синхронности процессов взлета и упадка кочевых империй и соседних земледельческих цивилизаций. Тут трудно не согласиться с критикой. Действительно, образование Сяньбийской имперской конфедерации, Тюркского и Уйгурского каганатов никак не соотносится с периодами расцвета китайских династий.

Третье заблуждение касается распространенных стереотипов о кочевниках, которые присутствуют в описаниях древних хронистов от Геродота до Сыма Цяня. Действительно, они похожи, однако это не означает, что они написаны под копирку. Безусловно современные исследователи должны уметь отделять седентаристский (ориенталистский)

¹ Среди рецензентов П. Голден (*Journal of Asian Studies*, vol. 68, 2009, No. 1, p. 293-296), Т. Барфилд (*Comparative Studies in Society and History*, 2009, No. 4, p. 942-943), А. М. Хазанов (*Social evolution and History*, 2010, No. 2, p. 206-208) и др. На отзыв П. Голдена Снит откликнулся полемическим откликом (*Journal of Asian Studies*, vol. 69, 2010, No. 2, p. 658-660), на который Голден аргументированно ответил (*ibid.*, p. 660-663). Журнал "Ab Imperio" (2009, № 4, p. 80-175) посвятил специальную подборку статей обсуждению концепции Д. Снита.

дискурс жителя оседлого общества от достоверной информации. Однако это не означает, что все написанное лишено смысла.

В несколько гипертрофированной форме аргументация Н. Ди Космо была повторена в книге К. Беквиса «Империи Шелкового пути». Он также полагает, что кочевники получали все необходимые ресурсы за счет торговли или налогообложения, а так называемых чистых кочевников никогда не было. Население степи всегда занималось земледелием и ремеслом и обеспечивало себя самостоятельно. Нарративные источники сильно тенденциозно изображают номадов как воинственных и агрессивных варваров. Это навязчивый миф, сформированный в оседлой среде. Конечно, кочевники хорошо стреляли из лука и владели искусством верховой езды. Однако они не были более жестокими, чем их южные соседи (с последним трудно спорить). В то же самое время степняки были уязвимы с экологической точки зрения (поскольку джугты могли легко уничтожить их запасы) и представляли легкую добычу для соседей (поскольку у них не было хорошо укрепленных городов и они многократно уступали в численности населения). К. Беквис приходит к выводу, что виновниками конфликтов между степными и равнинными народами в большей степени выступали оседло-городские империи, которые стремились к внешней экспансии и покорению своих соседей [Beckwith, 2009].

Многие из аргументов Беквиса не выдерживают никакой критики. Он полагает, что пехота сильнее кавалерии и партизанская тактика наскоков степняков – это «оружие слабых». На самом деле в период между 550–1350 гг. после изобретения стремя и жесткого седла тяжелая кавалерия господствовала на полях сражений. Более того, в условиях разорванных фронтов конница всегда имеет преимущество в мобильности. Тактика номадов – это не партизанщина, а «гибридная война», которая лучше всего соответствовала условиям больших открытых степных и лесостепных пространств, дававших тактический простор для кавалерии.

Повторяя за Ди Космо тезис о наличии у кочевников земледелия и городов, Беквис забывает сопоставить масштабы и привести конкретные факты. Зачатки земледелия у номадов были, но, насколько они удовлетворяли потребности в углеводах, это вопрос. Рассуждая об урбанизации, нужно иметь в виду, что у хунну, например, на нынешний момент известен только один настоящий город (Иволгинское городище в Бурятии) и несколько поселений, а остальные полтора десятка городищ городами не являются [Крадин и др., 2017]. Если учесть, что численность империи Хунну была менее 1 млн человек [Крадин, 2002, с. 79], это ничтожно мало. В Ханьской империи, например, по археологическим данным, даже на северных границах, смежных с хунну, фиксируется многоуровневая иерархия поселений и городов разных рангов/размеров [Bo, Shelach, 2014].

Проблема не в том, что кочевники имели или не имели земледелие. Кочевники могут существовать без аграрных обществ. Они даже могут создавать комплексные общества (пазырыкцы, тагарцы, плиточники и т. д.). Однако нет ни одной кочевой империи, которая бы возникла раньше соседних оседло-земледельческих империй, и это, с моей точки зрения, является главным доводом в пользу того, что существует реальная взаимосвязь между централизацией в степи и в оседлом мире.

Другой вопрос: если общества скотоводов и кочевников способны самостоятельно создать государственность, почему тогда нуэры или чукчи не создали степной империи? Численность первых, согласно Э. Эвансу-Причарду, была более 200 тыс. человек [Эванс-Причард, 1985, с. 107], и они время от времени нападали на динка. Вторые периодически терроризировали соседей, совершали на них набеги [Нефёдкин, 2003].

Так или иначе, одна из ключевых трудностей заключается в том, что изучение кочевых обществ – комплексная проблема, для адекватного решения которой необходимо использование всех видов источников – археологических, нарративных, этнографических и др. Не секрет, что в силу все большей и большей специализации исследователям

все труднее становится овладевать ремеслом смежных дисциплин. Археологи, как правило, не владеют восточными языками. Ориенталисты и этнологи слабо разбираются в археологии. Это приводит к тому, что исследователь видит объект изучения главным образом через призму профессиональных методов и традиции, упуская важные стороны изучаемого явления, которые относятся к компетенции иных дисциплин. Более того, даже внутри одной цеховой организации нередко существует региональная специализация. Не случайно специалист по восточноевропейским степям строит модели на своем локальном материале и экстраполирует их потом на весь Старый Свет. Также и исследователь Внутренней Азии невольно экстраполирует имперские модели в Центральную (Среднюю) Азию или Причерноморье, тогда как там существовала принципиально иная экологическая и геополитическая расстановка. Для многих этнологов, которые живьем видели повседневные практики и жизнь кочевников, кажется странным находить государственные институты в степных сообществах. Напротив, археолог, который раскапывал грандиозные погребальные сооружения или города кочевников, скорее всего будет убежден в возможности кочевников самостоятельно преодолевать барьер государственности.

Все это, с одной стороны, углубляет наши знания о кочевых обществах. С другой стороны, задача обобщения огромных массивов фактических данных становится все более и более трудной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Базаров Б. В., Крадин Н. Н., Скрынникова Т. Д. (ред.). *Монгольская империя и кочевой мир*. Кн. 1–3. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004–2008 [Bazarov B. V., Kradin N. N., Skrynnikova T. D. (eds.). *Mongolskaia imperiia i kочеvyy mir (Mongolian empire and nomadic world)*. Ulan-Ude: Buryatian Scientific Press SB RAS Press, 2004–2008 (in Russian)].

Березкин Ю. Е. Вожества и акефальные сложные общества: данные археологии и этнографические параллели. *Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности*. Отв. ред. В. А. Попов. М.: Наука, 1995. С. 165–187 [Berezkin Yu. E. Vozdestva i acefalnye sloznye obshchestva: dannye arkheologii i etnograficheskie paralleli (Chieftdoms and acephalos complex societies: dates of archaeology and ethnological parallels). *Rannie formy politicheskoy organizatsii: ot pervobytnosti k gosudarstvennosti (Early forms of political organization: from prehistory to statehood)*. Ed. V. A. Popov. Moscow: Nauka, 1995. Pp. 165–187 (in Russian)].

Буровский А. М. Степная скотоводческая цивилизация: критерии описания, анализа и сопоставления. *Цивилизации*. Вып. 3. М.: Наука, 1995. С. 151–164 [Burovsky A. M. Stepnaia skotovodcheskaia tsivilizatsiia: kriterii opisaniia, analiza i sopostavleniia (The Steppe pastoral civilization: the criteria of description, analysis, and correlation). *Tsivilizatsii (Civilizations)*. Vol. 3. Moscow: Nauka, 1995. Pp. 151–164 (in Russian)].

Васютин С. А. Кочевые империи Центральной Азии: неоконченный диспут. *Вестник НГУ. Сер. История, филология*. 2010. Т. 9. № 1. С. 33–40 [Vasutin S. A. Kochevyie imperii Centralnoy Azii: neokonchennyi disput (Nomadic empires of Central Asia: not finished debates). *Vestnik Novosibirskogo Universiteta. Ser. Istorii, filologiya*. 2010. Vol. 10. No. 1. Pp. 33–40 (in Russian)].

Васютин С. А. Антропология верховной власти в кочевых империях. *Средние века*, 2011а, Т. 72. № 1–2. С. 306–329 [Vasutin S. A. Antropogiia verkhovnoy vlasti v kочevykh imperiakh (Anthropology of highest power in nomadic empires). *Srednie Veka*. Vol. 72. No. 1–2. Pp. 306–329 (in Russian)].

Васютин С. А. К вопросу о взаимодействии Первого Тюркского каганата и Китая в свете концепции «биполярного мира» Т. Барфилда. *Вестник НГУ. Сер. История, филология*. 2011б, Т. 10. Вып. 1. С. 34–39 [Vasutin S. A. K voprosu o vzaimodeistvii Pervogo Turkskogo kaganata i Kitaia v svete kontseptsii "bipolarnogo mira" T. Barfielda (On the question of interaction of First Turk Khaganate and China in the context of conception of "bi-polar world" of T. Barfield). *Vestnik Novosibirskogo Universiteta. Ser. Istorii, filologiya*. 2011. Vol. 10. No. 1. Pp. 34–39 (in Russian)].

Васютин С. А. *Власть и социум в кочевых империях Центральной Азии VI – начала XII в.* Дисс. ... д-ра ист. наук. Улан-Удэ, 2017 [Vasjutin S. A. *Vlast i sotciium v kochevykh imperiakh Centralnoy Azii VI – nachala XII v. (Power and society in nomadic empires of Central Asia in VI – beginning of XII centuries)*. Unpublished Dr.Sc. Thesis. Ulan-Ude, 2017 (in Russian)].

Васютин С. А. Дашковский П. К. *Социально-политическая организация кочевников Центральной Азии поздней древности и раннего средневековья (отечественная историография и современные исследования)*. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2009 [Vasjutin S. A. Dashkovsky P. K. *Socialno-politicheskaia organizatsiia kochevnikov pozdnei drevnosti i rannego srednevekovyia (otechestvennaia istoriografiia i sovremennye problemy (Social and Political Organization of the Nomads in Late Antiquity and Early Middle Age: Russian Historiography and Contemporary Problematic)*. Barnaul: Altay State University Press, 2009 (in Russian)].

Вдовченков Е. В. Потестарная организация сарматского общества. *Ранние формы потестарной организации*. Отв. ред. В. А. Попов. СПб.: СПб.НЦРАН, 2016. С. 107–129 [Vdovchenkov E. V. Potestarnaia organizatsiia sarmatskogo obshestva. *Rannie formy potestarnoy organizatsii (Power organization of Sarmat society. Early forms of the power organization)*. Ed. by V. A. Popov. Saint Petersburg: Saint Petersburg Scientific Centre Press, 2016. Pp. 107–129 (in Russian)].

Вдовченков Е. В. *Социальная история сарматов Нижнего Подонья*. М.: Аквилон, 2018 [Vdovchenkov E. V. *Sotsialnaia istoriia sarmatov Niznego Podonya (Social History of Sarmats of the Lower Don river)*. Moscow: Akvilon, 2018 (in Russian)].

Голден П. Кипчаки средневековой Евразии: пример негосударственной адаптации в степи. *Монгольская империя и кочевой мир*. Отв. ред. Б. В. Базаров, Н. Н. Крадин, Т. Д. Скрынникова. Кн. 1. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. С. 103–134 [Golden P. Kipchaki srednevekovoi Evrazii: primer negosudarstvennoy adaptatsii v stepi (Qipchaqs of the mediaeval Eurasia: the example of not-state adaptation in the steppe). *Mongolskaia imperiia i kochevoy mir (Mongolian Empire and Nomadic World)*. Ed. by B. V. Bazarov, N. N. Kradin, T. D. Skrynnikova. Ulan-Ude: Buryatian Scientific Press SB RAS Pressio. Pp. 103–134 (in Russian)].

Дигар Ж.-П. Отношения между кочевниками и оседлыми племенами на Среднем Востоке. *Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций*. Отв. ред. В. М. Массон. Алма-Ата: Наука, 1989. С. 33–54 [Digard J.-P. Otnosheniia mezdu kochevnikami i osellymi plemenami na Srednem Vostoke (The Relations between nomads and settled tribes in Middle East). *Vzaimodeistvie kochevykh kultur i drevnikh civilizatsii (Interaction nomadic cultures and ancient civilizations)*. Ed. by V. M. Masson. Alma-Ata: Nauka, 1989. Pp. 33–54 (in Russian)].

Железняков А. С. *Монгольская цивилизация. История и современность*. М.: Весь мир, 2016 [Zhelezniakov A. S. *Mongolskaia civilizatsiia. Istoriia i sovremennost' (Mongolian Civilization. History and Present)*. Moscow: Ves' Mir, 2016 (in Russian)].

Калиновская К. П. О кочевничестве в связи с книгой В. В. Матвеева «Средневековая Северная Африка». *Восток (Oriens)*. 1996. № 4. С. 153–158 [Kalinovskaya K. P. O kochevnichestve v sviazi s knigoy V. V. Matveeva "Srednevekovaya Severnaia Afrika" (On the nomads in context of book of V. V. Matveev "The Mediaeval Northern Africa"). *Vostok (Oriens)*. 1996. No. 4. Pp. 153–158 (in Russian)].

Кляшторный С. Г. Основные этапы политогенеза у древних и средневековых кочевников Центральной Азии. *Научный Татарстан*. 2012. № 2. С. 74–84 [Kljashporny S. G. Osnovnye etapy politogenezu u drevnikh i srednevekovykh kochevnikov Centralnoy Azii (Basic stages of the politogenesis among ancient and mediaeval nomads of Central Asia). *Nauchnyi Tatarstan*. 2012. No. 2. Pp. 74–84 (in Russian)].

Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. *Степные империи Евразии*. СПб.: ФАРН, 1994. 166 с. [Kljashporny S. G., Savinov D. G. *Stepnye imperii Evrazii (The Steppe Empires of Eurasia)*. Saint Petersburg: Farn, 1994. 166 p. (in Russian)].

Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. 2000. *Государства и народы евразийских степей. Древность и средневековье*. СПб.: Петербургское востоковедение, 2000. 368 с. [Kljashporny S. G., Sultanov T. I. *Gosudarstva i narody evraziiskikh stepey. Drevnost i srednevekovie (The States and Nations of Eurasian Steppes. Antiquity and Middle Age)*. Saint Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 2000. 368 p. (in Russian)].

Коган Л. С. *Проблемы социально-экономического строя кочевых обществ в историко-экономической литературе (на примере дореволюционного Казахстана)*: Автореф. дисс. ... канд. экон. на-

ук. М., 1981 [Kogan L. S. 1980. *Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo stroia kochevykh obshchestv v istoriko-ekonomicheskoi literature* (The Problems of socio-economic organization of nomadic societies in historical and economical thought). Unpublished Ph.D. Thesis. Alma-Ata, Institute of economy, Academy of Science KazSSR (in Russian)].

Крадин Н. Н. *Кочевые общества*. Владивосток: Дальнаука, 1992. 239 с. [Kradin N. N. *Kochevye obshchestva* (Nomadic Societies). Vladivostok: Dal'nauka, 1992. 239 p. (in Russian)].

Крадин Н. Н. Кочевые империи: генезис, расцвет, упадок. *Восток (Oriens)*. 2001. № 5. С. 21–32 [Kradin N. N. Kochevye imperii: genesis, rastsvet, upadok (Nomadic Empires: genesis, growth, decline). *Vostok (Oriens)*. 2001. No. 5. Pp. 21–32 (in Russian)].

Крадин Н. Н. *Империя Хунну*. 2-е изд. М.: Логос, 2002 [Kradin N. N. *Imperiia Hunnu* (The Xiongnu Empire). 2nd. ed. Moscow: Logos, 2002 (in Russian)].

Крадин Н. Н. Комплексные общества кочевников в кросс-культурной перспективе. *Монгольская империя и кочевой мир*. Отв. ред. Б. В. Базаров, Н. Н. Крадин, Т. Д. Скрынникова. Кн. 1. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. С. 20–49 [Kradin N. N. Kompleksnyye obshchestva nomadov v kross-kulturnoy perspective (The complex societies of nomads in cross-cultural perspective). *Mongolskaia imperiia i kochevoy mir* (Mongolian Empire and Nomadic World). Ed. by B. V. Bazarov, N. N. Kradin, T. D. Skrynnikova. Ulan-Ude: Buryatian Scientific Press SB RAS Press, 2004. Pp. 20–49 (in Russian)].

Крадин Н. Н. *Кочевники Евразии*. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. 416 с. [Kradin N. N. *Kochevniki Evrazii* (Nomads of Eurasia). Almaty: Daikpress, 2007. 416 p. (in Russian)].

Крадин Н. Н., Бондаренко Д. М., Барфилд Т. (ред.). *Кочевая альтернатива социальной эволюции*. М.: Центр цивилизационных и региональных исследований РАН, 2002 [Kradin N. N., Bondarenko D. M., Barfield T. (eds.) *Nomadic Pathways in Social Evolution*. Moscow: Center of Civilizational Studies of the Russian Academy of Sciences, 2003 (in Russian)].

Крадин Н. Н., Скрынникова Т. Д. *Империя Чингис-хана*. М.: Восточная литература РАН, 2006. 557 с. [Kradin N. N., Skrynnikova T. D. *Imperiia Chingis-khana* (Chinggis Khan Empire). Moscow: Vostochnaia literatura RAN, 2006. 557 p. (in Russian)].

Крадин Н. Н., Ивлиев А. Л., Харинский А. В., Очир А., Васютин С. А., Ковычев Е. В., Эрдэнэболд Л. Раскопки городища Тэрэлжийн-Дурвулжин и некоторые итоги изучения хуннской урбанизации. *Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии*. Материалы II межд. науч. конф. Улан-Удэ, Изд-во БНЦ СО РАН, 2017. С. 163–175 [Kradin N. N., Ivliev A. L., Kharinsky A. V., Ochir A., Vasjutin S. A., Kovychev E. V., Erdenebold L. Raskopki gorodishcha Terelzijn-Durvulzin i nekotorye itogi izucheniia hunnskoy urbanizatsii (The Excavations of townTerelzijn-Durvulzin and some results of the study of Xiongnu urbanization). *Aktualnye voprosy arkhologii i etnologii Centralnoy Azii* (Actual questions of the archaeology and ethnology of Central Asia). Proceedings of II international scientific conference. Ulan-Ude: Buryatian Scientific Press SB RAS Press. Pp. 163–175 (in Russian)].

Крамаровский М. Г. Золотая Одра как цивилизация. *Золотая Орда. История и культура*. СПб.: Славия, 2005. С. 13–171 [Kramarovsky M. Zolotaia Orga kak tsivilizatsiia (Golden Horde as a civilization). *Zolotaia Orda*. Saint Peretsburg: Slaviia, 2005. Pp. 163–175].

Кульпин Э. С. Спор о цивилизациях. *Золотоордынская цивилизация*. Вып. 1. Казань, 2008. С. 7–13 [Kulpin E. S. Spor o tsivilizatsiiakh (Dispute about civilizations). *Zolotoordynskaia tsivilizatsiia*. Vol. 1. Kazan, 2008. Pp. 7–13 (in Russian)].

Кычанов Е. И. *Кочевые государства от гуннов до маньчжуров*. М.: Восточная литература, 1997 [Kychanov E. I. *Kochevye gosudarstva ot gunnov do manchzhurov* (The Nomadic States from the Xiongnu to Manchu). Moscow: Vostochnaya literatura, 1997 (in Russian)].

Кычанов Е. И. *История приграничных с Китаем древних и средневековых государств (от гуннов до маньчжуров)*. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2010. 364 с. [Kychanov E. I. *Istoriia prigranichnykh s Kitaem drevnikh i srednevekovykh gosudarstv (ot gunnov do manchzhurov)* (History of the frontier with China ancient and mediaeval states (from Xiongnuto Manchu). Saint Petersburg: Peterburgskoe lingvisticheskoe obshchestvo, 2010. 364 p.].

Марков Г. Е. Теоретические проблемы номадизма в советской этнографической литературе. *Историография этнографического изучения народов СССР и зарубежных стран*. Отв. ред. Г. Е. Марков. М.: Изд-во МГУ, 1989. С. 54–75 [Markov G. E. Teoreticheskie problemy nomadisma v sovetskoi etnograficheskoi literature (The Theoretical problems of nomadism in Soviet ethnology). *Istoriografiia etnograficheskogo izucheniia narodov SSSR i zarubezhnykh stran* (Historiography of ethno-

graphical study of the peoples of the USSR and foreign countries). Ed. by G. E. Markov. Moscow: Moscow State University Press, 1989. Pp. 54–75 (in Russian)].

Марков Г. Е. Из истории изучения номадизма в отечественной литературе: вопросы теории. *Восток (Oriens)*. 1998. № 6. С. 110–123 [Markov G.E. Iz istorii izucheniia noamdisma v otechestvennoy literature: voprosy teorii (The History of the study of nomadism in Russian anthropology: theoretical questions). *Vostok (Oriens)*. 1998. No. 6. Pp. 110–123 (in Russian)].

Масанов Н. Э. *Кочевая цивилизация казахов*. Алматы. М.: Горизонт; Социнвест, 1995. 320 с. [Masanov N. E. *Kochevaia civilisatsiia kazakhov (The Nomadic Civilization of the Kazakhs)*. Moscow. Almaty: Gorizont and Sotsinvest, 1995. 320 p. (in Russian)].

Миргалиев И. М. Сколько лет Золотоордынской цивилизации? *Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств*. 2014. № 1. С. 118–121 [Mirgaliev I. M. Skol'ko let Zolotoordynskoy civilisatsii? (How many years of the Golden Horde civilization?). *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kultury i iskusstv*. 2015. No. 1. Pp. 118–121 (in Russian)].

Нефёдкин А. К. *Военное дело чукчей (середина XVII – начало XX в.)*. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. 352 с. (Ethnographica Petropolitana, X). [Nefedkin A. K. *Voennoe delo chukchey (seredina XVII – nachalo XX v.) (Military Art of the Chukchi (middle part of XVII – beginning XX century))*. Saint Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 2003. 352 c. (Ethnographica Petropolitana, X). (in Russian)].

Петров М. А. *Проблемы социально-политической организации скифского общества в VI–IV вв. до н.э.* Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального университета, 2016. 160 с. [Petrov M. A. *Problemy sotsialno-politicheskoy organizatsii skifskogo obshchestva VI–IV vv. do n.e. (The problems of social and political organization of Scythian society VI–IV centuries BC)*. Rostov/Don: South Federal University Press, 2016. 160 p. (in Russian)].

Пиков Г. Г. О «кочевой цивилизации» и «кочевой империи». Статья первая: «кочевая цивилизация». *Вестник НГУ. Сер. История, филология*. 2009. Т. 8, № 1. С. 4–10 [Pikov G. G. O “kochevoy tsivilizatsii” i “kochevoy imperii”. Statya pervaiia: “kochevaia tsivilizatsiia” (On the “nomadic civilization” and “nomadic empire”. Article one: “nomadic civilization”). *Vestnik Novosibirskogo Universiteta. Ser. Istoriya, fililogiya*. 2009. Vol. 8. No. 1. Pp. 4–10 (in Russian)].

Пиков Г. Г. О «кочевой цивилизации» и «кочевой империи». Статья вторая: «кочевая империя». *Вестник НГУ. Сер. История, филология*. 2010. Т. 9, № 1. С. 19–32 [Pikov G. G. O “kochevoy tsivilizatsii” i “kochevoy imperii”. Statya vtoraiia: “kochevaia imperiia” (On the “nomadic civilization” and “nomadic empire”. Article two: “nomadic empire”). *Vestnik Novosibirskogo Universiteta. Ser. Istoriya, fililogiya*. 2010. Vol. 9, No. 1. Pp. 19–32 (in Russian)].

Попов А. В. Теория «кочевого феодализма» академика Б. Я. Владимирцова и современная дискуссия об общественном строе кочевников. *Mongolica. Памяти академика Б. Я. Владимирцова (1884–1931)*. Отв. ред. А. Н. Кононов. М., 1986. С. 183–189 [Popov A. V. 1986a. Teoriia “kochevogo feodalizma” akademika B. Ya. Vladimirtsova i sovremennaia diskussiia ob obshchestvennom stroe kochevnikov (Academician B. Ya. Vladimirtsov’s theory of “nomadic feudalism” and the today’s debates on the social organization of the nomads). *Mongolica. Pamiati akademika B. Ya. Vladimirtsova (1884–1931)*. Ed. by A. N. Kononov. Moscow: Nauka, 1986. Pp. 183–193 (in Russian)].

Пэрлэ Х. *Некоторые вопросы истории кочевой цивилизации древних монголов*: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Улан-Батор, 1978 [Perlee Kh. *Nokotorye voprosy istorii kochevoy civilizatsii drevnikh mongolov*. Unpublished (Some questions of the history of the nomadic civilization of ancient Mongols). Dr. Sc. Thesis. Ulanbaatar, 1978 (in Russian)].

Скрынникова Т. Д. *Харизма и власть в эпоху Чингис-хана*. М.: Восточная литература, 1997 [Skrynnikova T. D. *Kharisma i vlast' v epokhu Chinggis-khana (Charisma and Power During the Epoch of Chinggis Khan)*. Moscow: Vostochnaia literature, 1997 (in Russian)].

Тишин В. В. *Историография социальной истории тюркского каганата VI–VIII вв.* Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2015 [Tishin V. V. *Istoriografiasotsialnoy istorii tiurkskogo kaganata VI–VIII vv. (Historiography of the Social History of Turk Khaganate of the VI–VIII centuries)*. Unpublished PhD Thesis. Moscow, Institute for Oriental Studies RAS, World History, 2015 (in Russian)].

Трепавлов В. В. *Государственный строй Монгольской империи XIII в.: Проблема исторической преемственности*. М.: Наука, 1993. 168 с.: карта [Trepanov V. V. *Gosudarstvennyi stroy Mongolskoy imperii XIII veka: problema istoricheskoi preemstvennosti (State structure of Mongolian*

empire in XIII century: the problem of historical succession). Moscow: Nauka, 1993. 168 p.: cart (in Russian)].

Ушакин С. О людях пути: номадизм сегодня. *Ab Imperio*. 2012. No. 2. С. 53–81 [Oushakine S. A. O liudakh nomadisma segodnia (On the peoples of way: nomadism today). *Ab Imperio*. 2012. No. 2. Pp. 53–81 (in Russian)].

Халиль Исмаил. Исследование хозяйства и общественных отношений кочевников Азии (включая Южную Сибирь) в советской литературе 1950–1980 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1983 [Halil Ismail. *Issledovanie hosiastva i obshchestvennykh otnoshenii kochevnikov Asii (vključaia Juzhnuu Sibir') v sovetskoi literature 50–80 (The Study of economic and social relations among the nomads of Asia (including South Siberia) in Soviet anthropology of the 1950–1980ies)*. Unpublished Ph.D. Thesis. Moscow, Moscow University, Ethnology, 1983 (in Russian)].

Шираиси Н. Исследование процесса образования монгольской империи с точки зрения социальной эволюции. *Средневековые древности Приморья*. Вып. 3. Владивосток: Дальнаука, 2015, с. 422–428 [Shiraishi N. *Issledovaniie protsessa obrazovaniia Mongolskoy imperii s tochki zreniia sotsialnoy evolutsii (The Study of origin Mongolian empire process from the viewpoint of social evolution)*. *Srednevekovye drevnosti Primorya (Mediaeval antiquity of Primorye region)*. Vol. 3. Vladivostok: Dalnauka, 2015. Pp. 422–428 (in Russian)].

Шираиси Н. Этапы кочевых государств монгольских степей. *Монгольская империя и кочевой мир*. Отв. ред. Б. В. Базаров, Н. Н. Крадин, Т. Д. Скрынникова. Кн. 3. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. С. 239–251 [Shiraishi N. *Etapy kochevykh gosudarstv mongolskikh stepey (The Stages of nomadic states in Mongolian steppes)*. *Mongolskaia imperiia i kochevoy mir (Mongolian Empire and Nomadic World)*. Ed. by B. V. Bazarov, N. N. Kradin, T. D. Skrynnikova. Ulan-Ude: Buryatian Scientific Press SB RAS Press, 2008. Pp. 239–251 (in Russian)].

Эванс-Причард Э. *Нуэры*. М.: Наука, 1985. 243 с. [Evans-Pritchard E. *The Nuer*. Oxford: Clarendon Press, 1940] (in Russian).

Barfield T. *The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China, 221 BC to AD 1757*. Cambridge: Blackwell, 1992 (First published in 1989).

Barfield T. *The nomadic Alternative*. Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1993.

Barfield T. Explaining Crisis and Collapse: Comparative Succession Systems in Nomadic Empires. *Ethnohistorische Wege und Lehrjahre eines Philosophen*. Festschrift für Lawrence Krader zum 75. Geburtstag. Hrsg. D. Schorkowitz. Frankfurt am Main etc.: Peter Lang, 1995. Pp. 187–209.

Barfield T. The Shadow Empires: Imperial State Formation along the Chinese-Nomad Frontier. *Empires*. Ed. by C. Sinopoli, T. D'Altroy, K. Morrison, S. Alcock. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. Pp. 10–41.

Barfield T. Conclusion. *Nomadic Pathways in Social Evolution*. Ed. by N. Kradin, T. Bondarenko, T. Barfield. Moscow: Center for Civilizational Studies, 2003. Pp. 172–179.

Beckwith C. *Empires of the Silk Road: A History of Central Eurasia from the Bronze Age to the Present*. Princeton: Princeton University Press, 2009. 501 p.

Bo Ch., Shelach G. Fortified settlements and the settlement system in the Northern Zone of the Han Empire. *Antiquity*. Vol. 88. 2014. No. 339. Pp. 222–240.

Bonte P. Marxist Theory and Anthropological Analysis: The Study of Nomadic Pastoralist Societies. *The Anthropology of Precapitalist Societies*. Ed. by J. Khan, J. Llobera. London and Basingstoke: The Macmillan Press, 1981. Pp. 22–55.

Bonte P. French Marxist Perspectives on Nomadic Societies. *Nomads in a Changing World*. Ed. by P. Salzman, J. Galaty. Naples: Instituto Universitario Orientale. Dipartimento di Studi Asiatici, 1990. Pp. 49–101.

Bradburd D. Marxism and the study of pastoralists. *Nomadic peoples*. No. 16. 1984. Pp. 3–14.

Deleuze G., Guattari F. *Nomadology. The War Machine*. Seattle: Wormwood Distribution, 2010.

Di Cosmo N. State Formation and Periodization in Inner Asian History. *Journal of World History*. Vol. 10. Pp. 1–40.

Di Cosmo N. *Ancient China and its Enemies: The Rise of Nomadic Power in East Asian History*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

Di Cosmo N. Ethnogenesis, Coevolution and Political Morphology of the Earliest Steppe Empire: the Xiongnu Question Revisited. *Xiongnu Archaeology: Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe*

Empire in Inner Asia. Ed. by U. Brosseder, B. Miller. Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 2011. Pp. 35–48.

Di Cosmo N. *China-Steppe Relations in Historical Perspective. Complexity of Interaction along the Eurasian Steppe Zone in the first Millennium CE*. Ed. by J. Bemmman, M. Schmauder. Bonn: University of Bonn, 2015. Pp. 49–72.

Drompp M. Imperial State Formation in Inner Asia: The Early Turkic Empires (6th to 9th Centuries). *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. Vol. 58. 2005. No. 1. Pp. 101–111.

Dyson-Hadson R., Dyson-Hadson N. Nomadic Pastoralism. *Annual review of Anthropology*. Vol. 9. 1980. Pp. 15–61.

Enkhtuvshin B. Nomadic society and some aspects of civilizations studies. *Chinggis Khaan and Contemporary Era*. Ed. by B. Enkhtuvshin, J. Tsolmon. Ulaanbaatar, 2003. Pp. 65–90.

Gellner E. *State and Society in Soviet Thought*. Oxford: Oxford University Press, 1988.

Golden P. B. *An Introduction to the History of the Turkic Peoples: Ethnogenesis and State Formation in Medieval and Early Modern Eurasia and the Middle East*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1992.

Golden P. B. *Ethnicity and State Formation in Pre-Chinggisid Turkic Eurasia*. Bloomington, IN: Indiana University, Department of Central Eurasian Studies, 2001.

Golden P. B. *Studies on the Peoples and Cultures of the Eurasian Steppes*. Bucurest and Braila: Editura Academiei Române – Muzeul Brăilei Editura Istros, 2011.

Honeychurch W. The Nomad as State Builder: Historical Theory and Material Evidence from Mongolia. *Journal of World Prehistory*. Vol. 26. 2013. No. 4. Pp. 283–321.

Honeychurch W. Alternative Complexities: The Archaeology of Pastoral Nomadic States. *Journal of Archaeological Research*. Vol. 22. 2014. Pp. 277–326.

Honeychurch W. *Inner Asia and the Spatial Politics of Empire: Archaeology, Mobility, and Culture Contact*. New York: Springer, 2015.

Jagchid S. The historical interaction between the nomadic peoples in Mongolia and the sedentary Chinese. *Rulers from the Steppe: State Formation on the Inner Eurasian Periphery*. Ed. G. Seaman, D. Marks. Los Angeles: Ethnographics Press, 1991. Pp. 63–91.

Jagchid, S., and Van Jay Symons. *Peace, War, and trade Along the Great Wall: Nomadic-Chinese Interaction through Two Millennia*. Bloomington, IN: Indiana University Press, 1989.

Khazanov A. M. *Nomads and the Outside World*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1984.

Kim H. J. The Xiongnu. *Oxford Research Encyclopedia of Asian History*. Oxford: Oxford University Press, 2017. Pp. 1–28.

Koryakova L. Social Trends in Temperate Eurasia During the Second and First Millennia BC. *Journal of European Archaeology*. Vol. 4. 1996. No. 1. Pp. 243–280.

Koryakova L. N. Social Landscape of central Eurasia in the Bronze and Iron Ages: Tendencies, Factors and Limits of Transformation. *Complex Societies of Central Eurasia from the 3rd to the 1st Millennium BC: Regional Specifics in Light of Global Models*. Ed. K. Jones-Bley & D. Zdanovich. *Journal of Indo-European Studies Monograph*. Series 45. Washington, D.C.: Institute for Study of Man, 2002. Pp. 97–118.

Koryakova L., Epimakhov A. *The Ural and Western Siberia in the Bronze and Iron Ages*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

Kradin N. N. Nomads and the Theory of Civilizations. *Anthropology and Civilizational Analysis. Eurasian Explorations*. Ed. by J. Arnason, C. Hann. Albany: State University of New York Press, 2018. Pp. 303–322.

Kürsat-Ahlers E. *Zur frühen Staatenbildung von Steppenvölkern: über die Sozio- und Psychogenese der eurasischen Nomadenreiche am Beispiel der Hsiung-Nu und Göktürken Skythen*. Berlin: Duncker en Humblot, 1994.

Lattimore O. *Inner Asian Frontiers of China*. New York and London, 1940.

Legrand J. *Mongols et Nomades: Société, Histoire, Culture. Textes, communications, articles 1973–2011*. Ulaanbaatar, 2011.

Maekawa K. New Perspectives on the Study of the Mongol Empire. *Transactions of the International Conference of Eastern Studies*, No. 51. Tokyo: The Institute of Eastern Culture, 2006. Pp. 128–133.

Pauketat T. *Chiefdoms and Others Archaeological Delusions*. New York etc.: AltaMira, 2007.

Rogers J. D. 2012. Inner Asian States and Empires: Theories and Synthesis. *Journal of Archaeological Research*. Vol. 20. No. 3. Pp. 205–256.

Scheidel W. *The Xiongnu and the Comparative Study of Empire*. Stanford, 2010). Available at SSRN: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1663558>

Scheidel W. The Xiongnu and the Comparative Study of Empire. *Xiongnu Archaeology: Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia*. Ed. by U. Brosseder and B. Miller. Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 2011. Pp. 111–120.

Sneath D. *The Headless State: Aristocratic Orders, Kinship Society, and the Misrepresentation of Nomadic Inner Asia*. New York, 2007.

Sneath D. Tribe, Ethnos, Nation: Rethinking Evolutionist Social Theory and Representations of Nomadic Inner Asia. *Ab Imperio*. 2009. No. 4. Pp. 80–110.

Sneath D. Ayimag, uymaq and baylik: Re-examining Notions of the Nomadic Tribe and State. *Nomad Aristocrats in a World of Empire*. Ed. J. Paul. Wiesbaden: Steiner Verlag, 2013. Pp. 161–186.

Tamura Jitsuzo. 北アジア世界における國家の類型 [Types of Nations in the World of North Asia]. *Memoirs of the Faculty of Letters, Kyoto University*. Vol. 4. Kyoto. Pp. 475–492 (in Japanese).

Togan I. *Flexibility and Limitation in Steppe Formations: the Kerait Khanate and Chinggis Khan*. I. Togan. Leiden; New York; Köln: Brill, 1998 (The Ottoman Empire and It's Heritage. Vol. 15). XXII. 192 p.

Turchin P. A theory for formation of large empires. *Journal of Global History*. 2009. No. 4. Pp. 191–217.

Wright D. “Wealth and War in Sino-nomadic Relations”. *The Tsing Hua Journal of Chinese Studies*, n.s., 1995. No. 25 (3). Pp. 295–308.

Yoffee N. *Myth of the Archaic State: Evolution of the Earliest Cities, States, and Civilizations*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

КРАДИН Николай Николаевич – член-корреспондент РАН, Врио директора Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток; Научный руководитель лаборатории археологии, этнографии и антропологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия.	Nikolay N. KRADIN – Corresponding Member RAS, Acting Director of the Institute of History, Archaeology and Ethnology, FEB RAS, Vladivostok; Head of Laboratory of archaeology, ethnology, and anthropology of the Institute of Mongolian, Buddhist, and Tibetan Studies, SB RAS, Ulan-Ude, Russia.
---	---